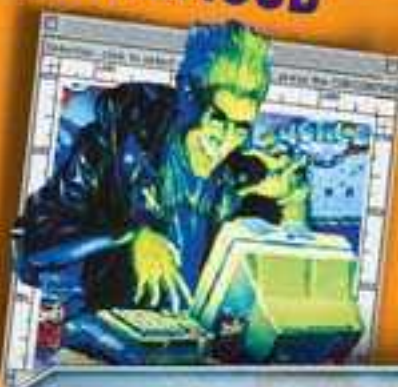

ПЕТР СЕВЕРЦЕВ

СЕРИЯ «ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ»

Хакер хочет в Тамбов

Реальное преступление -
виртуальное расследование!

Хакер

Петр Северцев

Хакер хочет в Тамбов

«Научная книга»

Северцев П.

Хакер хочет в Тамбов / П. Северцев — «Научная книга»,
— (Хакер)

Без Приятеля, то есть компьютера, оснащенного супердетективной программой, частный сыщик Валерий Мареев как без... головы. Кто еще на основе минимальной информации выдаст дельное решение, предупредит об опасности, укажет на вероятного преступника? На этот раз Приятель советует Валере ехать в Тамбов, именно там надо искать пропавшего человека. В этом милом городке Валеру убедительно избивают, а свидетелей, которые могут помочь ему, хладнокровно убивают. Тем не менее Валера отыскал пропавшего. Вроде бы все в порядке. Но убийца-то не найден. И Приятель тоже нетерпеливо сверкает монитором, шуршит файлами, выдает советы. Нет, на этот раз в Тамбов ехать не надо. Убийца ведь совсем рядом...

ПЕТР СЕВЕРЦЕВ

ХАКЕР ХОЧЕТ В ТАМБОВ

ПРЕДСТАВЬТЕСЬ, ПОЖАЛУЙСТА,

– недоверчиво загорелась яркая надпись на темно-синем фоне.

Мне всегда нравилось, когда со мной вежливо разговаривают.

Почему бы не представиться, если тебя об этом просят?

Тем более, что в противном случае с тобой просто-напросто не будут общаться.

Ну, я и представился.

Я настолько часто повторял эту процедуру, что мог набрать три волшебных слова с закрытыми глазами.

ДОБРЫЙ ВЕЧЕР.ПРИЯТЕЛЬ.

Странное имя я выбрал, правда?

Но так уж получилось, и теперь у меня рука не поднимается обозвать его как-то иначе.

Собственно говоря, можно было назвать его Диком, Васей или Солженицыным, но мне почему-то запало в душу именно это слово, ставшее для Приятеля именем.

Ведь любое имя собственное вызывает в нас определенные ассоциации с тем или иным человеком.

А слово «приятель» – привычное, обобщенное и, вместе с тем, предельно интимное, да еще и с долей таинственности, вдобавок.

Временами мне даже кажется, что Приятель откликается на свое имя не без явного удовольствия, урча словно собака, а вместо виляния хвостом – дрыгает диском и подмигивает лампочками.

ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ ОПОЗНАН. ПРИВЕТ, ХАКЕР!

Я улыбнулся.

Опознан – это, конечно, сильно сказано.

В принципе, любой другой юзер, то есть пользователь, набрав на кейборде (клавиатуре) ту же комбинацию знаков, -он это воспримет как обычную компьютерную команду, а для меня – приветствие от чистого сердца, прошу обратить внимание! – мог бы войти в контакт с моим Приятелем.

Но я надеюсь, что этого не произойдет никогда и ни при каких обстоятельствах.

Хакер, разумеется, это я.

Прошу любить и жаловать, что, собственно, мой Приятель и делает.

Впрочем, для простых смертных, не отягощенных железной оболочкой и имеющих внутри черепной коробки серое вещество, а не микропроцессор, я – Мареев Валерий.

Кому и Валерка.

Кому и Валерий Борисович.

А кому и гражданин Мареев, это уж в зависимости от обстоятельств.

Но для Приятеля я – Хакер на веки вечные.

Мне даже кажется, что вздумай я изменить имя и ввести в программу другие данные, Приятель обидится, пошлет меня на своем каком-нибудь языке, например, Фортране, к чертовой матери и замкнется в себе навсегда, отказавшись от общения.

ХОЧУ ПОДБРОСИТЬ ТЕБЕ ИНФОРМАЦИЮ,

– предложил я Приятелю.

Нет возражений?

Разумеется, нет. Есть уточнения.

ИНФОРМАЦИЯ. СПОСОБ ПОДАЧИ? РЕЧЬ, СКАНЕР, ВИДЕО, ДИСК?

-высветилось на мониторе.

Как обычно, я ткнул в клавишу Р, выбрав, соответственно, речь.

ЗВУКОВОЙ АНАЛИЗАТОР ПОДГРУЖЕН РЕЗИДЕНТНО. ГОВОРИТЕ, -отозвался
Приятель.

До информации мой Приятель охоч как никто.

Сколько чертовой уймы сведений он в себе держит -страшно подумать.

Добавим еще немного.

– Новый клиент – Лилия Воронцова, – начал я, сверяясь с данными, которые набросал в блокноте. – 32 года, блондинка, филолог, домохозяйка. Ее муж, Сергей Константинович Воронцов, ушел из дома неделю назад и до сих пор не вернулся. Клиент сильно обеспокоен и просит меня заняться поисками ее супруга. Жду ответа.

Я, конечно, мог бы и не говорить последнюю фразу, поскольку предполагал ответную реакцию Приятеля.

И даже предполагал, какова она окажется.

И ОХОТА ЖЕ ЛЮДЯМ ЗАНИМАТЬСЯ ТАКОЙ ФИГНЕЙ. ПО- МОЕМУ, ТЕБЕ ПОРА ПЕРЕДОХНУТЬ, ХАКЕР. СЪЕЗДИ К МОРЮ И ПОДЛЕЧИСЬ,

– язвительно заметил Приятель.

Я решил не вдаваться в полемику и промолчал.

Тем паче, что ведь все реплики, которые подавала персоналка, были внесены мной в программу и теперь, в зависимости от полученной информации, Приятель считал своим долгом дать общую оценку.

И из всех имеющихся в его диалоговой памяти вариантов он выбрал самый насмешливый.

Дело в том, что Приятель знал, что такими делами я не занимаюсь давным-давно.

Нет, сначала, конечно, я не отказывался ни от какой работы – это вообще мой принцип.

И на заре своей карьеры частного детектива я сбил добрый десяток подметок и стер столько же каблуков, словно неотступная тень ходя следом неверными женами и столь же неверными мужьями.

Разумеется, преимущественно за новыми русскими, которые составляли мою тогдашнюю клиентуру – у нормальных людей просто нет денег на такую ерунду.

И если уж они не махнули рукой на измену или не поговорили между собой по душам, то чаще всего они используют более дешевые средства.

Самое результативное, на мой взгляд – бабушки у подъездов.

Кто-то окрестил их «каменными бабушками» по аналогии с каменными бабами, – древними скульптурами, оставшимися нам с доисторической эпохи и рассеянными тут и там по всяческим полям и курганам.

Статика и массивность этих грубых сооружений, не покидающих своего места в любую погоду, чем-то действительно схожа с последовательной позицией пожилых обитателей многоэтажек, которые всегда стоят – вернее, сидят – на своем боевом посту, как зависшая раз и навсегда программа.

Однообразие слежки в те времена быстро стало меня утомлять, работа перестала приносить удовлетворение. Я стал чувствовать, как медленно, но верно потихоньку погружаюсь в рутину.

Пришлось резко сменить стиль работы и теперь браться за подобные дела мне уже не позволяет имидж.

Да и по деньгам – не интересно.

Смешно вспомнить, как я стремался поначалу называть сумму.

Потом быстро просек что к чему и уже не стеснялся обосновывать свои астрономические сметы.

А в дальнейшем перестал делать и это, просто называл сумму и все.

Сначала все ахали, но потом соглашались.

С тех пор я слышу довольно дорогим сыщиком с блестящей репутацией: по пустякам не работаю, берусь только за очень сложные дела, моя работа стоит очень дорого, но она того стоит.

Так что Приятель задал мне резонный вопрос.

Но, поскольку он был оставлен без ответа, Приятель все же счел необходимым выдать мне свой прогноз по полученным сведениям.

Мне показалось, что он потратил на это чуть больше времени, чем требовалось.

Приятель работал как бы нехотя, демонстрируя тем самым недовольство своей эксплуатацией по таким пустяковым поводам.

50% – НЕПРЕДНАМЕРЕННОЕ УБИЙСТВО. ТРУП ВОРОНЦОВА РАНО ИЛИ ПОЗДНО БУДЕТ ОБНАРУЖЕН МИЛИЦИЕЙ. РАСКРЫВАЕМОСТЬ БЛИЗКА К НУЛЮ.

25% – СУПРУЖЕСКАЯ ИЗМЕНА. ДАСТ О СЕБЕ ЗНАТЬ В САМОЕ БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ.

25% – ВОРОНЦОВ ОКАЗАЛСЯ В СИТУАЦИИ, КОТОРАЯ ЗАСТАВИЛА ЕГО СПЕШНО ИСЧЕЗНУТЬ. ДОЛЖЕН ДАТЬ О СЕБЕ ЗНАТЬ ЧЕРЕЗ ОПРЕДЕЛЕННОЕ ВРЕМЯ ТЕМ ИЛИ ИНЫМ СПОСОБОМ.

Ожидаемый от Приятеля ответ – расклад причин исчезновения Воронцова, выданный мне в процентном отношении – был, в общем-то, предсказуем.

Но я мне хотелось посмотреть, насколько изменится схема, когда я сообщу дополнительную информацию.

А информация была несколько обескураживающей.

...Лиля Воронцова уже пережила самые тревожные дни -обычно это первые трое суток, – и теперь ей был важен только ответ, каким бы он ни был.

«Найдите его живого или мертвого, – говорили ее пронзительные черные глаза. – Я хочу знать, что случилось с моим мужем и я достаточно сильна, для того, чтобы вынести дурные вести».

Эти глубокие зрачки обволакивали меня каким-то мягким туманом, словно классная заставка к новой версии навороченного графического редактора, просили и требовали, умоляли и настаивали одновременно.

Но слова, которые произносили ее тонкие нервные губы, принадлежали, казалось, совсем другому человеку – рассудительному и безжалостному.

– Ожидание меня тяготит, – жестко сказала Воронцова, ничуть не стесняясь, что в такой ситуации говорит прежде всего о себе. – Я уже пережила его смерть внутри себя как возможную реальность. Я уже передумала все, что только возможно и устала от фантомов своего сознания. Теперь мне нужна только правда.

Лилия глубоко затянулась «Мальборо лайтс», потом еще и еще раз.

С ненавистью посмотрев на сморщенный окурок, который не принес ей необходимого никотинового насыщения, Воронцова сломала очередную сигарету, машинально вынутую из полупустой пачки и решительно достала из кухонного шкафчика крепкий «Голуаз».

– Пыталась бросить, перейдя на слабые сигареты, – пояснила она с печальной улыбкой. – В результате стала курить в два раза больше. Лучше уж так...

Милиция, разумеется, отказалась заводить дело и объявлять розыск, пока не пройдет положенный в таких случаях срок – месяц.

Но Лилия столько ждать не могла и не хотела, поэтому и обратилась ко мне.

Несмотря на пессимистическое настроение, Воронцова все же склонна была полагать, что ее муж жив, но находится в опасности.

– А что вас заставило прийти к такому выводу? – спросил я. – Интуиция? Или факты?

Оказалось – и то и другое.

– Мой муж – неудачник, – так определила Воронцова своеобразную «профессию» своего благоверного. – Сколько я его помню, он вечно берется за дела, которые ему не по силам. Работает некоторое время как проклятый, потом все рушится и мы платим долги. После чего Сергей берется за новый проект.

Все началось еще в перестройку.

Воронцов ринулся в стихию свободного рынка как в омут -с головой.

И тут же попал в водоворот, из которого до сих пор не может выбраться.

Сначала был издательский бум.

Воронцов быстро нашел деньги, дешевую типографию и напечатал триста тысяч экземпляров брошюры Пуришкевича «Убийство Распутина».

Новоявленный издатель сделал ставку на интерес читателей к роковой фигуре в русской истории, авантюрном сюжете и еврейском вопросе.

Но не учел одного обстоятельства: эту ставку сделал не только он.

В это же время воспоминания Пуришкевича появились аж в трех изданиях, гораздо более презентабельных, нежели тетрадка на плохой бумаге, скрепленная ненадежной скрепкой.

Сергей Воронцов оказался неважным коммерсантом – он гнался за только лишь дешевой и в этом преуспел, но не учел такие важные факторы как внешний вид издания и конъюнктуру.

Вскоре его вежливо попросили вывезти со склада медленно гнившие там нераспроданные двести девяносто семь тысяч экземпляров.

Домой Воронцов допер только двадцать пачек, остальное пустили под нож – это было дешевле, чем платить за хранение.

И на несколько десятилетий семья Воронцовых, а также их соседи были обеспечены бумагой для разнообразных хозяйственных нужд.

Следующим соблазном оказались выборы.

Стать депутатом тогда было проще простого – во всяком случае, поначалу так казалось.

Знакомые на заводе зуборезных станков предложили Воронцову, зная его неуемную энергию и демократические симпатии, выдвинуться в местные советы.

Первая встреча с избирателями прошла на ура, а второй не состоялось.

Нашлась более приемлемая кандидатура в профкоме того же завода, и Воронцову вежливо отказали.

Потом... если вкратце и по порядку, то потом были кролиководство, экстрасенсорика, компьютерная верстка, скупка ваучеров, реферирование, челночный бизнес и прозаические опыты.

Когда любовный роман под названием «Возвращенная девственность» был отвергнут пятью издательствами, Воронцов смирился.

Наступил период затишья после очередной неудачи, длившийся обычно месяц-другой.

Последний день своего пребывания в Тарасове Воронцов лежал на диване, – Лилия кивнула на кушетку в углу гостиной, – и меланхолично листал телефонный справочник.

И вот, неделю назад – исчез, не оставив даже краткой записки.

Воронцова ткнула белый тлеющий фильтр «Голуза» в круглое донце хрустальной пепельницы и с силой затушила сигарету.

Я внимательно выслушал ее историю, копирнул основные моменты в свою память. Но, надо признаться, большого энтузиазма она у меня не вызвала.

– Давайте сразу определимся, – предложил я, поправив чуть сползшие на нос очки.

Мне, собственно говоря, следовало произнести такую фразу:

«Мне влом заниматься такой ерундой, а тебе, голубушка, это не по карману. Скажи спасибо, что выслушал, и – желаю удачи».

Но это, разумеется, было бы с моей стороны невежливо, и поэтому я перекодировал ее на более цивилизованный язык, оставив смысл в неприкосновенности:

– Ваша история вызывает у меня сочувствие, но, по правде говоря, не кажется перспективной. Я ведь не фирма добрых услуг, а частный детектив. Мне приходится зарабатывать на хлеб с маслом, подчас рискуя жизнью. И мои клиенты должным образом оценивают мой труд. Вы имеете представление о существующих расценках?

– Более-менее, – неуверенно ответила Лилия. – Но насчет денег вы можете не беспокоиться.

Я удивленно поднял брови.

– То есть?

– У меня есть друг, близкий друг, который... обеспечивает существование нашей семьи, – пояснила Лилия без тени смущения. – Жить-то на что-то надо, а от моего супруга толка – что от козла молока.

И тут же поправилась:

– В финансовом смысле, разумеется.

Честно говоря, я никак не мог решиться отказать Воронцовой, хотя здравый смысл подсказывал мне, что не стоит ерзать на этой работе.

Однако я уже упустил решающий момент для того, чтобы встать и, извинившись, покинуть квартиру. Словно мне было выброшено диалоговое окно и я отказался выходить из программы. Так что Лилия восприняла мое молчание как согласие сохранить сформированный ее рассказом файл, вместо того, чтобы благоразумно выйти, не сохраняясь.

Что здесь сыграло свою роль – ее загадочные глаза, излучающие мольбу о помощи, или противоречащая жалобному взгляду холодная расчетливость, сквозившая в ее речи, – не могу сказать с уверенностью.

– В этой истории есть очень странный момент, – продолжала Лилия. – Дело в том, что Сергея видели в другом городе на второй день после его исчезновения.

Стоп-стоп! Кнопка «пауза».

Это что же получается?

Он жив, здоров и известно его местопребывание?

Тогда что я тут делаю целых сорок минут?

Мои положительные эмоции как рукой смело.

– Но позвольте, – начал я, хмыкнув, пытаясь скрыть возмущение, – зачем же тогда...

Воронцова остановила меня долгим, пронизывающим до глубин моего сознания взглядом. Мне на секунду показалось, что я тону в черном вечерющем небе, застланном тяжелыми грозowymi тучами.

– Я еще не закончила, – произнесла она со значением. – Давайте вы не будете делать скоропалительных выводов и постараетесь дослушать меня до конца. Договоримся так: если моя история не придется вам по душе и вы, все-таки, откажетесь от работы, я оплачу вам визит и компенсирую потерянное время.

Мне ничего не оставалось, как вернуться в предыдущую версию сохранения – сесть, закинув ногу на ногу в старом кресле возле занавешенного плотными шторами окна с семейством кактусов на белом подоконнике.

– Рита Попова, моя однокурсница по психфаку, была на семинаре в Тамбове, она туда часто наезжает в командировки. И вдруг увидела там моего мужа, – рассказывала Воронцова, широко раскрыв глаза, так что ресницы доставали до бровей. – Сергей, по ее словам, выглядел как сумасшедший. Сидел возле памятника на Октябрьской площади в очень странной компании.

– Женщины легкого поведения? – спросил я игриво. – С мужчинами это случается, не огорчайтесь так, Лиля. Вдруг все бросают, срываются с места, покурюлесят недельку-другую, поменяют данные в сетапе – и возвращаются домой с повинной.

– Я не совсем вас поняла, – Лиля удивленно заморгала, – но это совсем не то, что вы думаете. И, кстати, Сережа всегда был очень... домашним.

– Ручным, что ли? – усмехнулся я.

Но Воронцова отрицательно покачала головой.

Это плавное движение было настолько завораживающим, – Лиля удачно продемонстрировала мне свой профиль и снова уставилась мне в глаза, – что я решил оставить свою иронию при себе, настолько неуместными казались шутки в присутствии такой женщины.

– В Тамбове его видели дважды, – продолжала она. – Как я уже сказала, сначала у памятника воинам-тамбовцам возле Краеведческого музея. Сергей сидел прямо на земле, подстелив газетку, и играл в карты на доллары с каким-то безногим оборванцем и еще одной сопливой малолеткой.

– Ничего себе компашка подобралась! – искренне удивился я.

– Рита тоже была очень изумлена и сказала, – Воронцова лишь развела руками, – что ей было необычайно странно наблюдать эту дикую картину, и что это вызывало у нее оторопь пополам со страхом.

– А второй раз? – начал я проявлять интерес.

– Он попался на глаза Рите возле стадиона «Динамо», рядом с гостиницей. Сергей шел по улице, словно пьяный, размахивая руками и разговаривая сам с собой, – поведала мне Лиля. – И знаете, что он говорил?

Мне даже не пришлось изображать любопытство, оно и так было написано на моем лице.

Лилия собралась с силами и произнесла то, что я меньше всего ожидал услышать:

– «Как же мне ее убить? Нож или пистолет? А может, связаться с местной братвой?» И когда Рита окликнула Сережу, он ничуть не смешался, быстро поздоровался с ней, спросил, как дела и, не дожидаясь ответа, быстро побрел дальше, куда-то к набережной. Что вы на это скажете?

Воронцова откинулась в кресле и прикурила очередную сигарету.

– Словом, я не знаю, что происходит. Я не знаю, откуда у него деньги, я не знаю, что это за шваль, которая играет с моим мужем в карты, я не знаю, наконец, о каком убийстве он говорил, – заключила она. – И я хочу, чтобы вы это выяснили, причем, как можно скорее.

Последняя фраза заставила меня насторожиться.

– Поясните, пожалуйста, что вы имеете в виду? – попросил я.

Но Воронцова ушла от прямого ответа.

– Три, максимум пять дней, – загнула она соответствующее количество пальцев на своей левой ладони, оставив сигарету торчать во рту. – Если вы выходите за пределы этого срока, я оплачиваю только накладные расходы и суточные. В случае же удачного исхода – вы получаете полный гонорар. Это мои условия.

– Ваши или вашего спонсора? – спросил я на всякий случай.

– Это неважно, – отмахнулась Лиля. – Итак?

И я сказал «да».

Сумма гонорара была определена в четыре тысячи долларов, суточные я назначил в размере ста пятидесяти баксов.

Воронцова, ни слова не говоря, согласилась.

– Определимся так, – предложил я. – За трое суток вы выплачиваете сейчас, в случае, если мне понадобится еще два дня, я появлюсь снова.

– Без вопросов, – откликнулась Лиля. – Только для этого вам понадобится встретиться с моим другом. Его зовут Лев Охотников, сейчас я дам вам номер его домашнего телефона, а заодно и Риты.

Воронцова подошла к столику, на котором стоял солидный «панасоник» с определителем номера, перелистала свою записную книжку и, взяв со стола какую-то бумажку, записала на ней черными чернилами гелевой ручки две строчки цифр.

Я сгреб листок себе в карман, потребовал вручить мне фотографию потерявшегося супруга и немедленно приступил к работе.

Допросу, который я учинил Лиле, мог бы позавидовать любой следователь, разве что в данном случае мы были по одну сторону баррикад, вроде играющих в сети против общего врага. Но я-то знал, что рано или поздно иногда возникает соблазн немного повоевать друг против друга...

Через два с небольшим часа я уже владел солидной информацией о Сергее Воронцове.

Мой блокнот был исписан почти до последней странички, и все же, меня не оставляло чувство, что я упустил какую-то важную деталь. Казалось, что где-то зияет крохотная дырочка, которая пока не имеет большого значения, но не исключено, что именно этот прогал даст решающий сбой программы в самый ответственный момент.

Перечитав несколько раз длинные корявые строки своих записей, я решил не насиловать свои мозги и сел за работу.

После систематизации информации – превращения множества длинных строк в несколько коротких – получился следующий портрет:

Воронцов Сергей Константинович был типичным безобидным авантюристом.

Его действия не имели никакого отношения к криминалу, за исключением, разве что, работы с «черным налом». Но суммы были столь безобидными, что это можно было бы не принимать во внимание. Тем паче, что ни одна его финансовая операция не закончилась успешно.

Займись Сергей Константинович какой-нибудь работой под хорошим руководством – не исключено, что из него мог бы получиться неплохой менеджер.

Но господин Воронцов был настроен резко отрицательно к работе на кого бы то ни было, кроме себя. А это требует высокой ответственности и умения семь раз продумать, а потом уже браться за ножницы.

Но Воронцов руководствовался в своих действиях методом, который можно было бы назвать ленинским – ввяжемся, а там посмотрим.

В результате, к своим неполным сорока, он еще зависал между небом и землей и будущее рисовалось семейству Воронцовых весьма неопределенным.

Муж Лили был равнодушен к алкоголю, никогда не употреблял наркотики, не заводил романов на стороне. На связь же своей супруги слевой смотрел сквозь пальцы.

Короче, ничего, буквально ничего не могло заставить его ни с того ни с сего внезапно бросить жену и уехать в соседнюю область.

И уж совсем загадочными выглядели его действия в городе Тамбове.

Вот, собственно, и все.

Выжав из своих записей лишнюю воду и суммировав данные, я так и не понял, что же меня беспокоило.

И сейчас, дома, перед компьютером, я совершенно отчетливо понял, что в моей информации, которую я сообщаю Приятелю, отсутствует нечто очень существенное.

Но что именно – это ускользало от моего сознания, словно прыткая ящерица в летний полдень от неловких рук разомлевшего ловца.

«Неправильно осуществляешь ввод и хранение информации, Хакер, – укорил я себя. – Поучись у Приятеля».

И правда, было чему поучиться.

Господин Pentium-Pro, который сейчас сосредоточенно воспринимал мою речь, впитывая в себя каждое слово, словно примерный студент на лекции обожаемого профессора, был почти совершенным устройством.

Не скрою, я уже привык себя чувствовать чем-то вроде придатка к своей персоналке.

Но искренняя благодарность и дружеские чувства к Приятелю не давали развиваться во мне комплексу неполноценности. Не такой я человек.

Вот, к примеру, парадокс: если ты не можешь победить машину в шахматной, скажем, партии, не говоря уже про компьютерные игры, то всегда есть простой выход – разнести к чертовой матери системный блок какой-нибудь подвернувшейся под руку железякой.

Или еще один: Приятель был изначально сконструирован, как и его многочисленные предки, – до пятого колена – по образу и подобию моему.

А если конкретнее – по образу и подобию моего мозга.

Только работал он, в отличие от нас, грешных, куда более эффективно, и хранил в своей башке такое количество данных, что нам и не снилось.

Нет, разумеется, в наши – человечьи – черепные коробки можно поместить невероятное количество самой разнообразной информации, объем которой даже и подсчитать-то затруднительно.

Но вот сделать так, чтобы в любой момент необходимые сведения могли оказаться под рукой – это уж, извините, под силу не каждому.

А вернее – почти никому.

Можно, конечно, винить в этом несовершенство нашего усваивающего аппарата, развивать человеческие способности и так далее.

Но, как показывает опыт, проще обращаться к братьям нашим меньшим по разуму, – то бишь к писишкам, – чем рыться в пыльных подвалах своей памяти, мучительно разгребая завалы и пытаясь распаковать архивнутый файл, а то и беспомощно изрекая «divide overflow!», что означает «переполнение».

Приятель никогда ничего не забывал.

А я, скажем, уже с трудом мог припомнить, как начиналась вся эта история с работой над программой, которая стала для меня верным наставником, услужливым секретарем, а подчас и чем-то вроде моего второго я.

В юности я, конечно, отдал дань детективам, предпочитая, разумеется, переводные.

Но очень быстро это увлечение переросло в своеобразную манию.

Я изучил все, что только выходило из-под пера переводчиков и публиковалось в книгах, толстых и тонких журналах, а также в газетах.

Но голод мой не был утолен.

Тогда пошли в дело самопальные переводы, подчас весьма низкого качества.

«Смотри здесь!» – кричал один из героев, и я тотчас соображал, что это буквальный перевод «Look here!». И все в таком же духе.

Как я теперь понимаю, это была своеобразная теоретическая подготовка к моей будущей деятельности.

И, когда началась перестройка и в один прекрасный день частный сыск был узаконен, я не колебался ни минуты.

Тем более, что у меня появился Приятель.

К тому времени «ящик», в котором я работал, конвертнулся в контору, куда можно придти, потрепаться с друзьями и обсудить свежую прессу – не более того.

А работать, когда тебе не платят зарплату, я считаю ниже собственного достоинства.

Тем более, когда не платят за работу, которая отняла у меня год жизни.

Я имею в виду компьютерную программу, которая должна была активизировать работу следователей.

Впрочем, тут была одна тонкость.

Вот, уже запомнил – целевой заказ это был или перспективный калым?

Как бы там ни было, я взялся за это дело по просьбе Стаса Козлова, с которым мы сначала сидели за одной школьной партой, а потом вместе учились в универе.

Позже Стас вписался в стройные ряды ГБ, а я «сыграл в ящик», как любил шутить в то время.

Стас предложил мне работу над этой программой, ссылаясь на необходимость начальства срочно переместиться на кресло, стоящее ступенькой повыше.

Таким образом, сам Стас благополучно усаживался в солидное кресло своего бывшего шефа, и в этом я должен был ему помочь. Такой себе естественный апгрейд (своего рода модернизация – улучшение благосостояния и карьерный рост).

Работа увлекла меня с головой.

Произошло это не в последнюю очередь потому, что в ней счастливым образом совместились мое пристрастие к криминальному чтиву и любовь к компьютеру.

Речь шла о создании принципиально новой программы с постоянно пополняющимся банком данных и обладающей аналитическими способностями.

Несомненно, система должна была быть открытой к неизбежным – технический прогресс, как-никак – добавлениям и усовершенствованиям, которые, как я понимаю, в дальнейшем были бы уже вне моей компетенции.

Стас клялся и божился, что в случае удачи он пробьет этот заказ как официальный и называл мой процент.

По самым скромным подсчетам, эта сумма позволила бы мне безбедно существовать несколько лет, пребывая в состоянии блаженного ничегонеделания.

Мне приходилось добросовестно запикивать в банк данных невероятное количество фактического материала, активно подключая к этой работе бездельничающих девиц в своем отделе.

Помнится, я разрешал им пострелять садистов в их любимых игрушках только после того, как они загонят в память машины определенное количество листов. Получалось, что и девушкам приятно, и делу польза.

Но господин Случай вломился в мою жизнь, как это обычно и бывает с данным опасным субъектом, в самый неподходящий момент.

В тот самый момент, когда программа была уже близка к завершению, и я лишь глюкалу полировал, т.е. исправлял ошибки, Стас погибает в авиакатастрофе.

В результате – груда обломков, Стаса нет в живых, судьба заказа повисает в воздухе.

«А не пойти ли тебе, Валера, в КГБ самому?»

Эта дурацкая мысль появилась у меня всего один раз, и я немедленно ее отверг.

Действительно, глупо было бы прийти в «серый дом» и сказать, что, вот, мол, ваш сотрудник заказал мне разработать сверхсекретный программный продукт.

Даже и не представляю себе, чем бы это могло для меня кончиться.

Короче, недоделанная программа несколько месяцев тихо-тихо висела на моем запароленном рабочем компьютере, пока я не решил довести работу до конца.

Не последнюю роль сыграл тот факт, что «ящик» стал медленно, но верно разваливаться.

И уже ничто не мешало мне вплотную заниматься этой работой, которую я уже считал для себя основной.

Кроме примеров из судебной практики всех времен и народов, досье на преступных авторитетов, вырезок из газет, датированных числами после 8 августа 1992 года, в эту же программу мне удалось уместить всю Большую Советскую Энциклопедию.

Спецлитературу тогда поставлял мне Стас, а детективы -это уже по моей части.

Да, похоже, вся художественная литература в этом жанре, что прошла через мои руки, была в конспективном виде упрятана внутрь электронной памяти. Мне удалось научить машину самостоятельно подключаться к информационной сети и выуживать оттуда свежую информацию, которую та втихую систематизировала и укладывала в свои бездонные недра.

И вот, когда я, наконец-то поставил у себя пентюх, перетащил на свой винт все разработки, связанные с программой и до той поры без дела лежащие в запертом ящике моего рабочего стола.

А как я доводил свою машину до ума – это особый разговор.

Зато сейчас могу похвастаться двумя винчестерами по 7 Гбайт каждый, устройством речевого ввода информации, звукоанализаторами, картотекой отпечатков пальцев и системой фоторобота.

Так что Приятель со временем стал для меня незаменимым и о том, что для меня будет значить его потеря, я даже запрещал себе думать.

Можно сказать, что Приятель рос вместе со мной.

Мои финансовые возможности были напрямую связаны с его интеллектуальным развитием, то есть всяческим усовершенствованием, но уже не самой программы, а спецаппаратуры, ее обслуживающей.

А процесс этот, господа, бесконечен.

На это, кстати, и уходят почти все мои гонорары.

И если вы думаете, что моя квартира забита дорогой мебелью, потолок отделан навесными панелями, а пол покрыт паркетом из красного дерева, то вы глубоко ошибаетесь.

Если что и есть в этой халупе стоящего – то это аппаратура. А все остальное как-то само по себе.

Так что выходит такое замкнутое производство-потребление: деньги, заработанные с помощью Приятеля, я трачу на апгрейд. Ну, и на жизнь немного остается.

Закончив с вводом данных, я набрал команду «АНАЛИЗ» и отправился в зал на кушетку.

Вообще-то, можно было бы и подождать, ведь в принципе, не исключено, что Приятель может справиться с этим заданием за час с небольшим.

Но я решил, что не имеет смысла торчать у монитора, наблюдая за миганием красной лампочки, свидетельствующей о таинственной работе, которая сейчас совершается в недрах его жесткого диска.

Оставив технику включенной, я прошел в комнату и завалился спать.

Утром меня разбудил пронзительный звук сверла, врезающегося в древесину.

Разумеется, в ту же секунду меня посетил мгновенный сон о визите к зубному врачу.

Мне снилось, что я пришел к дантисту и завел с ним долгий и занудный разговор, стараясь оттянуть тот момент, когда мне придется отдать свои зубы во власть его бормашины. Врач начинает нервничать, а я задаю все новые и новые вопросы до тех пор, пока он силой не усаживает меня в кресло и начинает сверлить мне передний зуб.

Так бывает, что во сне причина – в данном случае -звук и следствие – сон – меняются местами.

Более того, существует любопытная гипотеза, что во сне время течет в обратную сторону.

Так, человеку снится, что его вот-вот гильотинируют, и вот, во сне наступает брякпойнт и человек просыпается в холодном поту, ударившись головой о спинку кровати.

А во сне, натурально, этот момент совпадает с самыми последними секундами его жизни – отточенный нож уже несется к шее.

Вот и получается, что удар затылком о деревяшку, от которого человек пробудился, вызвал сон о гильотине, который протекал в обратном направлении.

Так и у меня – я врубился с первым же звуком сверла, впившегося в мой зуб во сне и в деревяшку – наяву, но сон, как мне показалось, длился едва ли не час.

Я протер глаза, посмотрел на часы и привычно ругнулся на соседа.

Пенсионер Сашка Садовов мог потягаться с любым будильником – аж с шести утра у него сама собой нажималась кнопка турбо и он уже начинал что-то строгать, сверлить и забивать гвозди, не принимая во внимание право на отдых окружающих.

Занимался он этим любимым делом часов до двенадцати ночи, а с утра все повторялось по-новой.

И так всю жизнь.

А еще говорят о какой-то нестабильности и неуверенности в завтрашнем дне...

Да откуда же она возьмется, эта неуверенность, если я голову дам на отсечение, что с шести утра я услышу, как пенсионер Садовов что-то ладит на своем верстачке, который он соорудил в нашем двореке?

Наскоро умывшись, я бросился в кладовку.

Там и стояло мое чудо, мой стратег и тактик, мой Приятель, скрытый от посторонних глаз – комнатка была надежно замаскирована книжными и платяными шкафами.

Можно было, конечно, поставить железную дверь, -все-таки первый этаж, – но я был уверен, что чужой не найдет, а свой не залезет – с соседями по двору у меня были хорошие отношения.

Тем паче, контингент жильцов подобрался такой, что меня прикрывали с двух сторон.

Во-первых, капитан Аслан Макаров, командир взвода ППС, неоднократно выручавший меня из различных неприятностей с ГАИ и нашедший со мной общий язык на почве автомобилей – у Аслана, как и у меня, был «Жигуленок», который он ежедневно драил, что солдат свои сапоги.

Во-вторых, Колян, бритый гоблин с «бээмвухой». Помимо чисто соседских отношений здесь тоже были дополнительные факторы симпатии – его сынок Гошка под моим чутким руководством потихоньку осваивал азы компьютерной грамотности к вящей радости жены Коляна.

Катя – супруга рэкетира – прочила сына в продвинутые новые русские, купила навороченную персоналку, на которой мы с Гошкой и занимались.

А дружеское расположение Коляна ко мне простиралось настолько, что он не раз выручал меня своей тачкой, когда мой 01 сбоил.

Бывало, что и шпанята сломают замок или вытащат какую-нибудь хрень – машина-то под окнами стоит, гаража нет и не предвидится.

Вот и теперь, перед светившей мне поездкой в сопредельную область, я стрельнул у него нормальную «сотку», – благо у Коляна было целых три телефона (у этих ребят, натурально, тоже свой апгрейд), так как мой аппарат не позволял мне коннектиться в любом направлении.

Но за свою кладовку я был спокоен, равно как и за квартиру, даже решеток на окнах не поставил, чтобы не чувствовать себя как в тюрьме.

Потому что бабушки на лавочках – это лучшая охрана, которую только можно было придумать в наше беспокойное время в нашем беспокойном месте проживания.

Маленький дворик на Майской, в котором я обитаю, расположен в самом центре города, как раз напротив похоронного бюро «Вечность», и старушки обожают наблюдать за снующими прохожими, снаряжением катафалков и жизнью во всех ее проявлениях.

Их любимое развлечение – дожидаться, пока какой-нибудь хмырь забежит к нам в подворотню с намерением по быстрому отлить в уголке – две доски со столбом, оставшиеся от некогда закрывавших вход ворот, – и шугануть его в самый неподходящий момент.

При этом они не упустят возможности высказать все, что думают о мужчинах, особенно-стях их анатомии, современных нравах и буксующей политике реформ.

Впрочем, к алкашам, которые оперативно опустошают посуду в нашей подворотне, бабульки настроены более благожелательно.

А в фаворитах «охраны», разумеется, четвероногие, которых бабульки прикармливают и заводят с кошками и собаками бесконечные беседы.

Животным, кстати, нужду справлять не возбраняется.

Так что, появившись кто-то чужой, злонамеренно подбирающийся к моей девятнадцатой квартире – его как минимум заметят и поднимут хай уже тогда, когда он будет ковыряться в замке входной двери.

И по-любому выходит, что до кладовки ему просто не добаться...

Приятель справился с анализом данных к четырем утра и теперь терпеливо ждал, когда я запрошу у него дальнейших указаний.

Придется ему подождать еще немного, пока я изучу то, что он мне выдал.

На блинкующем экране призывно горела надпись:

25 % – КРИМИНАЛ. ВОЗМОЖНО УЧАСТИЕ В ПРЕСТУПНОЙ ГРУППЕ.

25% – ПСИХИЧЕСКОЕ ЗАБОЛЕВАНИЕ.

25% – ПОПЫТКА НАЧАТЬ НОВУЮ ЖИЗНЬ.

25% – ОЧЕРЕДНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ.

НЕ ИСКЛЮЧЕНЫ СМЕШАННЫЕ ПОЗИЦИИ.

Нормальная мессага, Приятель хорошо потрудился над этим посланием.

ДЕЙСТВИЯ,

– сделал я очередной запрос.

Ответ последовал незамедлительно; Приятель был запрограммирован таким образом, что после аналитической части следовал план ведения дела.

1. НАВЕСТИ СПРАВКИ О ПОСЛЕДНЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЪЕКТА.

2. ВСТРЕТИТЬСЯ СО СПОНСОРОМ И ПОДРУГОЙ ВОРОНЦОВОЙ.

3. ПОСЕТИТЬ ТАМБОВ И ОПРОСИТЬ ИНВАЛИДА И ВТОРОЕ ЛИЦО.

(ГИПОТЕЗА: ЦИРКАЧ, ТРАВЕСТИ, ПОДРОСТОК)

Что ж, почти все правильно, кроме того, что пункт первый я бы поставил в конец – мое время, как никак, ограничено тремя-пятью днями.

ИНФОРМАЦИЯ ПО ПРЕДЛОЖЕНИЮ. ПУНКТ ТРЕТИЙ,

– отдал я компьютеру очередную команду.

Приятель тут же выбросил ответ:

СОБРАНЫ ДАННЫЕ ПО ТАМБОВУ. ВОСПРОИЗВЕСТИ?

Я не возражал.

Мне тут же было предоставлено солидное меню

Я не стал в него углубляться, и выбрал план города, данные о местной администрации и последние сведения о ситуации в Тамбове.

Историческая справка, а также всевозможные музейные и культурные телеги остались невостребованными, иначе бы я потратил неделю для ознакомления с детальной биографией города – ведь в приятеля в свое время я умудрился запихнуть Большую Советскую Энциклопедию, снимая страницу за страницей с помощью сканера и внося их в память машины.

Как и следовало ожидать, Приятель не дремал, в отличие от меня, а побродил по сетям. Там он снял всю информацию о Тамбове, которая отсутствовала в его памяти – прежде всего электронные версии газет и не преминул скачать данные с сайтов, открытых в этом регионе.

Он даже сыграл мне песенку про мальчика, который хочет в Тамбов, но никак туда не доедет, что, в общем-то, к лучшему, поскольку у него завязывается роман.

Приятель, конечно, мог бы не напрягаться и не записывать песенку – она и так звучала из каждого ларька, торгующего аудиокассетами, но меня приятно порадовала его дотошность и хорошее качество звуковой платы.

Самолеты, понятное дело, из Тарасова не летали, а поезд тащился настолько вяло, что автобус до Тамбова обгонял его раза в два.

Так что я решил добраться до соседней области на своей машине, чтобы урвать еще лишних два часа.

Но сперва в моем расписании дня значился приятель Воронцовой Лева, у которого я должен был получить свои суточные, а также разжиться дополнительной информацией.

На завтрак я ограничился яичницей-болтушкой с помидорами – никогда не утруждал себя изысканной готовкой, а помочь мне в этом деле было некому, во всяком случае, пока.

Покончив с немудреной трапезой, я достал из внутреннего кармана пиджака моторолловскую «сотку», заимствованную у Коляна и, перед тем, как позвонить Льву, прикинул, в какую сумму мне обойдется ночное путешествие Приятеля по Интернету.

Конечно, это дорого. Конечно, это расточительство. Но выхода я пока не вижу – поставить у себя обычный телефон мне не светит, вот и приходится использовать сотовый с фиксированным номером. А учитывая траты на жужжание модемом и путешествия по отечественным и зарубежным серверам – это выходит ого-го сколько! Понятно, что так использовать «сотку» – все равно, что колоть орехи алмазным перстнем, но -что делать, что делать...

Сквозь бумажку, на которой был написан телефон Левы, просвечивали цифры, второпях нацарапанные на обратной стороне – какие-то сложные подсчеты процентов $(300+300:12 \times 2 - 300P)$ и жирный восклицательный знак в конце подсчетов.

Но я не успел подробно изучить загадочные вычисления -спонсор госпожи Воронцовой был уже на линии.

– Аллю, – отозвался приятный басок.

Судя по всему, Лева тоже вставал рано.

Я кратко представился, сославшись на Лилю.

В трубке три раза раздалось понимающее угуканье и Лева предложил мне подъехать к нему домой или в офис.

Дом располагался на одном краю города, офис – на другом, а жил я в центре.

– Давайте встретимся где-нибудь по дороге, – предложил я. – Скажем, у автовокзала, там есть где припарковаться. У меня красный ВАЗ 2101, буду стоять у базарчика.

У Левы был 250-й опель-сенатор, из чего я заключил, что Лиля Воронцова действительно может рассчитывать на своего спонсора.

Следующий звонок предназначался Маргарите Поповой, психологу, недавно побывавшей на конференции в Тамбове и узревшей там без вести пропавшего Воронцова.

У Риты, как следовало из длинного ряда цифр, был сотовый телефон, типа коляновского. Наверное, у нас с ней схожие проблемы, либо стационарный аппарат Поповой сломался и теперь она временно пользуется услугами сотовой связи. Впрочем, судя по цифоркам, ее машинка стоит на порядок больше моей.

Женский голос откликнулся лишь с четвертого звонка.

– Да, – обреченно пробормотали в трубку.

– Прошу прощения за столь ранний звонок, – как можно мягче проговорил я, – но дело крайне неотложное. Вас беспокоит Валерий Мареев, и ваш телефон мне дала Лиля. Речь идет о ее супруге...

– Да, – на этот раз твердо ответила Рита, сразу поняв, о чем идет речь. – Вы ведь займетесь поисками Сережи? Ой, я прям не знаю, что с ним стряслось... Вы представляете, таким я его никогда не видела, будто пьяный... И потом эта компания...

Она защебетала, как оглашенная. Я даже оторопел сперва, а потом подумал, что, по-видимому, эта дама очень экспансивная.

– Рита, а нельзя ли поподробнее, если, конечно, вас сейчас это не затруднит, – попросил я, еще не ведая, что на меня обрушится огромный словесный поток, из которого мне придется впоследствии выуживать крупницы ценной информации.

По-хорошему, нужно было, конечно, встретиться с ней лицом к лицу и подробно побеседовать, но время было дорого и мой внутренний счетчик уже начал свою веселую песенку - "хакер хочет в Тамбов".

Рита говорила еще семь минут без остановки.

– Ой, вы знаете Лилечка, это такой замечательный человек, вы не представляете! Если бы вы знали, у нее просто золотой характер, а как она прекрасно готовит! – я понял, что это надолго и глубоко вдохнул, набираясь терпения. – Ах, она моя самая лучшая подруга, мы с ней были всегда вместе, просто не разлей вода. Когда Лилечка начала встречаться с Сергеем, я была просто счастлива. Они были великолепной парой, – я невольно поморщился – чудная она какая-то. – Я была свидетельницей у Лилечки на ее первой – ее первый брак не удался. Бедняжка! И после этого я глупо верила, что они с Сергеем просто созданы друг для друга... Боже мой, боже мой, как я ошибалась!

Причитания о погубленной судьбе подруги, вздохи и даже всхлипывания продолжались еще несколько минут. Честно признаться, я уже изрядно подустал.

– Но потом, я увидела, что представляет собой этот человек, – в ее голосе проявились угрожающие нотки. Да, в умении сгущать краски Рите явно не отказать. – Мне стало ясно что к чему, и я поняла, что Сергей Воронцов – самый натуральный прожектор и на него ни в чем нельзя положиться!

После этого она еще долго возмущалась и жаловалась мне, что мужики нынче измельчали и тому подобное.

Также она поведала мне, что роман Лили и Левы длится уже больше года, и что если бы не Лева, Лилия давно бы развелась со своим супругом.

Я напряг мозги, пытаюсь понять, что Рита имеет в виду, – женская логика подчас выдает весьма замысловатые кульбиты.

Этот парадокс она объяснила так: Лева внес в жизнь Воронцовых весьма существенный аспект, который примирил Лилию с неудачами ее мужа.

Попросту говоря – деньги.

С появлением Левы материальное положение семейства Воронцовых улучшилось и теперь Лилия стала относиться к своему мужу как к маленькому ребенку.

Если раньше она горячо поддерживала его безумные инициативы и вместе с ним горевала, когда очередной проект терпел фиаско, если в последнее время все чаще поговаривала о разводе, то теперь стала спокойной и равнодушной.

А про встречу с Воронцовым в Тамбове Рита говорила очень взволнованно, чувствовалось, что она была не на шутку встревожена.

– Играли в подкидного дурачка, представляете? На валюту! – жутким шепотом вещала Рита, как будто речь шла, как минимум, о ритуальном убийстве.

Я попытался представить себе, как выглядит Попова, но кроме вытянутого лица – судя по ее гнусавости, Рите пора было бы удалить аденоиды – и наверняка выпученных глаз никакая картинка на моем внутреннем дисплее не всплывала.

– И с кем?! – продолжала ужасаться Рита. – Сережа всегда был очень щепетилен и аккуратен, а тут...

– Вы могли бы описать его партнеров? – едва смог вставить я словечко.

– Один – самый что ни на есть бомж, безногий, на каталке – такие всегда возле вокзалов ошиваются. Я проходила к автобусу вместе с делегацией – и вдруг смотрю: Сережа! Настолько обомлела, что даже не пришло в голову его окликнуть.

– А вы не могли ошибиться? – спросил я на всякий случай.

– Я так и подумала сначала, – немедленно подхватила мою фразу Маргарита. – Стал бы Воронцов играть в карты со всякими оборванцами! Вы не представляете, какая вонь исходила от этого инвалида! Я понимаю, что так нехорошо говорить, но от него за версту несло дерьмом. А вторая – это уж вообще, проститутка какая-то несовершеннолетняя!

– Да-да, Лилия о ней тоже упомянула, – пододвинул я ее ближе к теме. – Как она выглядела, вы не могли бы вспомнить?

Мне как-то было неинтересно выслушивать эмоции даже по коляновскому сотовому телефону, да и не хотелось вводить соседа в расходы. А конкретики пока что было маловато.

– Да, такое невысокое худощавое существо с короткой стрижкой. Сначала мне показалось, что это мальчишка, знаете, с таким очень порочным лицом, но уж больно движения у нее женственные, хотя и довольно резкие, как бывает у подростков...

– Понятно, – сказал я, выслушав небольшую паузу. Рита ничего не могла прибавить к этой части рассказа. – А что касательно вашей второй встречи?

– О-о, это был вообще кошмар! Волосы дыбом! – села Рита на любимого конька – неумеренные восклицания. – Шел возле гостиницы, там, где стадион, и бормотал: «Ножом или пистолетом! Как бы мне ее прихлопнуть?» Господи, неужели он это про Лиличку?

– Вряд ли, – попытался я успокоить Риту. – Больше вам не удалось ничего услышать?

– Сейчас-сейчас, подождите... – задумалась она. – Какое-то ужасное словосочетание, как в страшном сне... Ага, вспомнила. Кровавая пасть, вот как он говорил. Вдруг остановился, зажмурил глаза и внятно так произнес: «Кровавая пасть», будто просмаковал. И потом еще раз повторил. Ужас, правда?

– А его внешний вид, одежда?

Рита тяжело вздохнула. Видимо, ей было не очень приятно описывать мужа своей лучшей подруги, хотя, судя по ее оживленному тону, можно было придти к прямо противоположному выводу.

– Выглядел он как абсолютно ненормальный, сосредоточенный на одной идее человек, который не замечает ничего вокруг себя, – здесь в Рите проснулся психолог. Может, она рискнет поставить диагноз? – Впрочем, меня тогда удивило, что одет Воронцов довольно прилично, но несколько... как бы это сказать... напояк. Обычно Сережа не покупал себе одежду, доверяя это Лиличке. И, как вы сами понимаете, тут они мало что могли себе позволить...

Но тут Рита вспомнила о том, что она давно не охала и не ахала.!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

Последние две минуты я выслушивал лишь ее восклицания о том, как все это ужасно и что она очень волнуется за Сережу и за Лиличку.

Мне едва удалось контролбрыкнуть этот бурный поток эмоций словами благодарности и вырубить линию – время уже всерьез поджимало.

Пора было торопиться на встречу со Львом, благородным другом и спонсором Лилии Воронцовой.

Лева приехал раньше и его тачка с открытой передней дверцей была мне видна еще на подъезде к базарчику.

Дождавшись, пока мой «жигуленок» докатит до ларька при входе и затормозит, Лева высунулся и призывно помахал мне рукой.

Я последовал приглашению и через минуту уже поместил себя в салон «опеля».

– Привет, – обменялся со мной рукопожатием Лева и сразу же полез за бумажником.

Лева выглядел как усталый – по жизни – бизнесмен лет сорока, тщательно причесанный, но одетый с подчеркнутой небрежностью

– Сколько там Лиля сказала?.. – спросил он, роясь в глубоком кармашке.

– Мы остановились на цифре сто пятьдесят суточных, – произнес я, наблюдая за его раскопками.

– Триста... четыреста пятьдесят выходит? – уточнил Лева и извлек пять бумажек по сто долларов.

Я помедлил забрать причитающуюся мне сумму.

– Остаток вычтем из гонорара или приплюсуем к очередным суточным, если понадобится, – уточнил Лева и положил бумажки рядом со мной на сиденье.

– Скажите, почему вы ограничены таким жестким сроком? – спросил я, пряча доллары в задний карман. – Что случится, скажем, если я найду Воронцова не через пять дней, а через шесть?

Лев неопределенно пожал плечами.

– Лиля волнуется, вот и все. Она сказала мне о пяти днях, я и решил, что так надо. Может быть, она назвала эту цифру произвольно, взяла с потолка – не знаю, как-то не задумывался. Но я привык выполнять ее просьбы.

Лева со значением посмотрел на меня, а потом перевел взгляд на часы.

– Еще вопросы имеются?

– Вы часто виделись с Сергеем? – пренебрег я прозрачным намеком, что мне пора сваливать и вплотную приступить к делу.

Лев отрицательно покачал головой.

– Пару раз, мельком. Лиля кое-что рассказывала, но я не больно интересовался. По моему и так все ясно. Вы не согласны?

Теперь настала моя очередь воспроизводить отрицательную мимику, но допытываться от владельца «опеля» деталей подробностей взаимоотношения «любовного треугольника» – Лиля – Воронцов – Лева – я не стал.

– Как вас найти, если что? – спросил я, уже установив один башмак на асфальт и перекидывая вторую ногу через нижнюю планку дверного проема.

Лев молча протянул мне визитку и, дождавшись, пока я покину автомобиль, помахал мне на прощание и быстро покатыл в свой офис.

Его машина сначала вырулила к шоссе и пристроилась справа, включив соответствующую мигалку.

Но потом, когда дорога освободилась, не спеша переехала в левый ряд и быстро рванула с места в противоположном направлении.

Я проводил удивленным взглядом его автомобиль и не преминул заметить, что стоявший во время нашей беседы на обочине «фольксваген» с тарасовским номером, немного выждав, пристроился через две машины за «опелем».

В точности повторив его маневр, «фольксваген» как бы нехотя покатыл за машиной Левы.

Быстро достав из кармана ручку, я внес на оборот визитки номер машины-преследователя.

И тут же подумал, что наверняка такую же операцию по отношению к моему «жигуленку» проделали люди, сидевшие в «фольксвагене».

Что ж, тем интереснее.

Новые люди – новая информация.

«Лев Михайлович Охотников», – значилось на визитке.

Далее следовали адрес и телефон фирмы «Стройпроект», начертанные наклонным витиеватым шрифтом «декор».

Спрятав визитку в свой не столь глубокий, как у Льва Охотникова, бумажник, я вывел автомобиль на шоссе и уже через двадцать минут выехал за пределы города.

«Почему Лева мне солгал? – ломал я голову, колеся по широкой асфальтовой дороге на северо-запад. – Голову даю на отсечение, винт на поругание, что пятидневный срок – это его выдумка. Давай подумаем, что же он хочет мне сбросить? Лиля – его близкая подруга, очень дорогой Льву Охотникову человек. Ее муж – раздолбай и раззява, и он, Лева, платит за его поиски лишь для того, чтобы Лилия не волновалась».

Эта картинка, которую навязывали Лева и Лилия, показалась мне очень сомнительной.

Но никаких разумных объяснений причин их сговора мне в голову пока не приходило.

Снова достав «сотку» я набрал номер рабочего телефона своего соседа Аслана Макарова.

– Слушают вас, – откликнулся голос со знакомым акцентом.

Аслан был то ли чеченцем, то ли ингушом – я все как-то забывал уточнить, – короче, лицом кавказской национальности, как сейчас привыкли говорить.

– Это Валерка, Аслан. Слушай, сделай любезность, уточни номерок.

Продиктовав номер «фольксвагена», я перезвонил Макарову через четверть часа.

Справка уже была готова, и я узнал, что данное средство передвижения (оно же, по совместительству – роскошь), принадлежит Гончарову Федору Николаевичу.

– Эт-то оч-чень ба-льшой человек, – заверил меня Аслан. – Директор посреднической фирмы «Светозар». Говорят, что бандит, но, вроде, цивилизованный. Ты, часом, не в аварию попал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.